

Совет молодых ученых РАН
Отделение историко-филологических наук РАН
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
Центр стратегических исследований (Азербайджан)

«ORIENTALISTICA IUVENILE»

(Материалы Съезда молодых востоковедов России и СНГ)
(Звенигород, 3-5 октября 2012 г.)

V

**Совет молодых ученых РАН
Отделение историко-филологических наук РАН
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
Центр стратегических исследований (Азербайджан)**

**Материалы Съезда молодых востоковедов России и СНГ
(Звенигород, 3-5 октября 2012 г.)**

V

Редколлегия:

*В.М. Алпатов, Э.В. Молодякова, А.Д. Васильев,
Т.А. Аникеева, Я.О. Захарьев, К.А. Кожа,
Э.Э. Имамкулиева, Д.А. Марьясис, Н.В. Стапран,
А.А. Бакланов, А.А. Петрова, А.В. Демченко*

Составители:

Т.А. Аникеева, А.Д. Васильев, К.А. Кожа

Материалы Съезда молодых востоковедов России и СНГ. М.: «Пробел-2000», 2012. 298 с. На обложке старинный китайский эстамп «Конфуций в окружении своих учеников».

ISBN 978-5-98604- 356-2

(с) Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

Ф.О. Абаева. Символика паремий с анималистическим компонентом в свадебном обрядовом тексте осетин.....	5
С.З. Ахмадуллин. «Талфик ал-ахбар ва талких ал-асар фи вакаи` Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар» как источник по истории туркмен.....	8
Д.В. Возчиков. Nobilissima insula: Цейлон глазами венецианского путешественника Никколо Конти.....	11
В.В. Досовицкая. Экспансионистская политика Японии в странах Центральной Азии в первой половине XX в.....	14
Д.В. Жигульская. Роль традиций и преемственности в современном алевитском обществе.....	21
Н.М. Жукова. Вароша – ничья земля?.....	24
Л.В. Захарова. Северная Корея в системе Регионального транспортного сотрудничества.....	28
И.Ю. Зуенко. Тенденции развития системы самоуправления городских жителей в КНР.....	35
А.В. Иванов. Структура индийского племени и ее изменения под влиянием правительственных программ и исторических процессов.....	40
В.В. Иванова. Новый формат исследований в востоковедении (e-Research)...	49
В.А. Комарова. Лицо индийского бизнеса.....	53
И.В. Кулагин. Понимание государственной власти в шиизме после иранской Исламской революции 1979 г.....	62
М.Ю. Кузнецова. Творчество Лу Синя и Шэнь Цунвэня: мировоззренческий диалог.....	66
М.Е. Кузнецова-Фетисова. Китайское самосознание и история: интерес к эпохе бронзового века в Китае (вторая половина II тыс. до н.э.).....	70
К.С. Кушкина. Развитие сланцевой газодобычи в КНР: роль США, основные риски.....	72
С.М. Кязимова. Социальная сущность аманатства на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.).....	85
М.А. Лебедев. Аменемхет I: внешняя политика и экспедиционная деятельность в контексте реформаторских преобразований.....	90
Е.С. Лепехова. Особенности деятельности новых японских религиозных движений и школы Тэндай за рубежом: сходство и различие.....	103
С.В. Лобанов. Сравнительный анализ представлений о «непосредственном постижении» (апарокшанубхути) и «самоузнавании» (пратьябхиджня) в монистических системах Шанкары и Абхинавагупты.....	111
А.А. Лукашев. Современное российское философское исламоведение. Дискуссия о подходах и проблема ограничения области применения принципа «явное-скрытое»	118
Р.М. Мамараев. Международные факторы политизации Ислама.....	124
Д.А. Марьясис. Израильская инновационная экономика: есть ли у неё будущее?.....	135
Т.В. Мармونتova. Общее и особенное в развитии этнических процессов в мультикультурных обществах Центральной Азии.....	145

Л.Ф. Меликова. Взаимосвязь неоуниверсалистских религиозных концепций Востока с идеологией западного глобализма (на примере бахаизма).....	152
Д.А. Милеев. Влияние Германии на социально-политические реформы японского государства (немецкий акцент японской модернизации).....	160
М.В. Михайлова. Фразеологизмы с компонентом «нога» как культурный код корейского народа.....	166
К.Г. Муратшина. Межпарламентское сотрудничество России и Китая.....	170
К.К. Пантелеев. Развитие экономики на протяжении всей истории развития Китая, начиная с древних времён по настоящее время.....	178
С.А. Притчин. Россия в современных геополитических концепциях.....	189
В.В. Прудников. Представления норманнских авторов XI-XII в.в. о Византии и византийцах.....	196
М.А. Северин. Буддийская концепция пяти скандх и единая теория психических процессов Льва Веккера: сравнительный анализ.....	203
М.С. Суворова. Энергетические острова: Израиль, Южная Корея и Япония.....	210
Син Се Ра. Влияние XX съезда КПСС на политическую ситуацию в КНДР и её отношения с СССР.....	217
Э.И. Тавасиева. Статус женщины в традиционном осетинском обществе.....	231
С.А.Талыблы. Внешняя политика Исламской Республики Иран (в 1979-2005 гг.).....	238
Д.М. Тимохин. Арабо-персидские источники о битве на реке Инд 1221 г. и ее последствиях.....	247
В.В. Тхор. Самоидентификация мусульман Англии: правовой аспект.....	253
Н.А. Филин. Активность внутренней оппозиции в Иране с 1989 по 2012 г.....	262
З.Р. Хабибуллина. Мусульманское духовенство Республики Башкортостан: социально-профессиональный состав.....	274
П.В. Хрущева. Сакральный трансвестизм и сакральная транссексуальность в тамильском культе и мифологии.....	281
А.Ю. Шарова. Энергетическое сотрудничество России и арабского мира: новые рубежи.....	287
Н.В. Шилова. Обзор исследований последствий террористических атак в Израиле: экономические средства для оправдания политических целей.....	291

Символика паремий с анималистическим компонентом в свадебном обрядовом тексте осетин

Предметом рассмотрения в статье является паремия свадебного обрядового текста осетин, включающая в себя анималистическое составляющее. Обрядовая фразеология осетин обусловлена рамками свадебного ритуала. Пословицы и поговорки осетин (*æмбисæндтæ* и *загъдаутæ*), связанные со свадебной обрядностью, наглядно отражают цель и смысл ритуала как комплекса обрядов, направленных на возрождение космоса и переход от хаоса к порядку. Это языковые знаки культуры, обладающие национально-культурной спецификой и репрезентирующие отношение осетин к свадебному обряду. Этнофразеологизмы, как известно, квалифицируются в теории языка и как микротекст, и как семиотический знак.

Изучение обрядовой терминологии с точки зрения семиотики предполагает выделение в каждом обрядовом термине знака. Обряд содержит сведения внеязыковой действительности, насыщенной символами и смыслами. Пословицы и поговорки осетин (*æмбисæндтæ* и *загъдаутæ*) с анималистическим компонентом – яркое тому подтверждение. Они описывают определённую ситуацию, выражают отношение к ней, оценивают её. «На смену уровню с обрядовыми терминами приходят **термины-символы**, трактовка которых затруднена (или невозможна) без привлечения расширенного, общекультурного контекста»¹.

Описания ритуальных обрядовых действий в осетинских свадебных текстах метафоризируются и начинают функционировать как символические образы: *æнаеус лæг къуда галы хуызæн* «неженатый мужчина как бык без хвоста»; *усисæг – бирæгъ* у «берущий в жёны подобен волку», *чызгæскъæфæг бирæгъей уелдай неу* «тот, кто крадёт девушку, ничем не отличается от волка».

Эти сравнения главных персонажей свадебной обрядности осетин с определёнными животными идут из древних представлений человека, понимающего метафоры буквально, имеют склонность подставлять значения именно там, где подразумевался исходный символический смысл².

По нашему мнению, помимо практического компонента в паремиях свадебной тематики с анималистическим компонентом своё отражение нашла такая связь, как конь+вода+**женское начало**, где невеста и конь стоят на одном уровне: *чызджы æмае бæхы сæ цыдай æвзарыуц* «женщину и коня по походке выбирают»; *бæх æмае ус лæджы амондай ысты* «конь и жена достаются мужчине по везению»; *байраджы йæ мадай æвзарыуц* «жеребёнка по матери выбирают» (в значении – невесту выбирают по её матери); *хорз ус æмае хорз бæх – лæджы амонд* «хорошая

¹ Бесолова Е.Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения: Монография/Учреждение РАН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. С. 39-40.

² Исаев М.И. Очерки по фразеологии осетинского языка. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1964. С. 96.

жена и хорошая лошадь – счастье для мужчины»; *хæтаг сългоймаг æмæ емыллык бæхыл æууанк нæй* «к распутной женщине и к необъезженной лошади доверия нет» и т.д. На наш взгляд, сравнение женщины (невесты) с лошадью связано с символической плодородия.

Анималистические символы плодovitости прослеживаются и в пословицах и поговорках, производных из песен: *каркау – бæдулджын, арсау – хъæбулджын, бæласау – уйдагджын, мыстау – рабынджын* «как курочка – плодovitая, как медведица – детородная, как деревце – с корнями, как мышь – запасливая».

Подобные «звериные» сравнения имеют магический характер: призываются положительные свойства и сильные стороны названных животных. Сопоставление с перечисленными животными восходит к симпатической магии. Человек, связывая невесту с определёнными животными, старается перенести их положительные качества (в основном – плодovitость) на неё.

Такие сравнения выполняют, безусловно, и защитную функцию. Участника обрядового акта свадебного текста, в особенности невесту, человек соотносит с тем или иным животным. Имеется в виду, если что-то пойдёт не так, как задумано, или же на свадебный персонаж будет направлен негатив с целью – нарушить привычный миропорядок ритуальных действий и языковую картину мира, то удар на себя возьмёт отождествляемое животное.

Паремиям свадебного обрядового текста осетин присуща, как выяснилось, высокая образность, которая выражена специфическим семантическим аспектом его анималистического компонента.

На наш взгляд, интересным является то, что такие анималистические компоненты как «телёнок», «лошадь», «бык», «курица» в составе паремий обладают ярко выраженной этнолингвистической особенностью, которая проявляется в символическом их прочтении в контексте свадебной реальности осетин.

Свадебные паремии, в состав которых входит анималистическая составляющая, в большинстве случаев представлены исконными оборотами, отражающими языковые, когнитивные и культурные особенности свадебной обрядности осетин. Именно в пословицах и поговорках осетин происходит «...экспликация стереотипа в этнолингвистике (когнитивная дефиниция)»¹, которая представлена воззрениями на предмет и которая интерпретирует действительность посредством языка.

Сваты и поезжане в пословицах ассоциируются с волками: *минавар бирæгъ у «сват побобен волку»*. Зоосимвол «волк», использующийся в сочетании с существительным *минавар* в контексте паремии, содержит семантику «похищающий», «отнимающий», «грабящий».

Символика звериных образов носит порою и поучительный характер: *сълтæ æмæ нелтæ мыстытæтай дæр ис* «особи мужского и женского пола есть и среди мышей».

Женский образ в сознании осетин отождествляется с кошкой: *сългоймаджы уд гæдыйы удæй фидардæр у* «женский дух (душа) крепче, чем у кошки».

По нашему мнению, параллели, связывающие человека с определенным животным, а вернее, с теми качествами, которые оно олицетворяет в свадебных паремиях, коренятся в многовековых наблюдений этноса за тем или иным зверем.

¹ Толстая С. М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 262-263.

Важным, на наш взгляд, является то, что в паремиях свадебного обрядового текста осетин персонаж жениха связан с волком. Семантически жениху присваиваются хищнические свойства указанного животного, подобным образом жених связывается с образом похитителя невесты: *усгур – бирагъ у* «жених – это волк». Заметим, что большей частью образ волка связан с мужчинами и мужской символикой.

Проведённый анализ выявил, что широкое использование в паремиях звериной символики восходит к стремлению перенести положительные и сильные характеристики (часто – стереотипизированные) на человека (невесту, жениха), во-вторых, это способ защиты и оберега от дурного воздействия с помощью сравнения с животным, и, в-третьих, обличение определённых негативных сторон и качеств человека способствует стимулированию человека.

Литература

Бесолова Е.Б. Язык и обряд: Похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте её текстуально-вербального выражения: Монография/Учреждение РАН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. – 406 с.

Исаев М.И. Очерки по фразеологии осетинского языка. – Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1964. – 105 с.

Толстая С. М. Стереотип и картина мира // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 262-264.

«Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи` Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар» как источник по истории туркмен

Мурад Рамзи¹ – один из видных представителей российских мусульман Урало–Поволжья, известный как автор исторического сочинения «Талфик аль-ахбар ва талких аль-асар фи вакаи` Казан ва Булгар ва мулук ат-Татар» («Собрание известий и памятников в событиях Казани, Булгара и татарских царей»). «Талфик аль-ахбар» написан Мурадом Рамзи на арабском языке. Сочинение состоит из двух томов, в общей сложности на 1256 страницах. Сочинение опубликовано в Оренбурге в 1908 году. Большая часть тиража была конфискована цензором мусульманской печати, известным востоковедом и тюркологом, хакасом по происхождению Н.Ф. Катановым за «неосторожное и оскорбительное выражение» относительно Екатерины Второй и уничтожена². До настоящего времени сохранилось лишь несколько экземпляров труда.

Оценка сочинения М. Рамзи весьма неоднозначна. Исследователи отмечали, с одной стороны, отсутствие научной системы, незнание европейских методов исторического исследования. С другой стороны отмечалась ценность труда Рамзи как исторического источника³. Несмотря на определенный интерес, который представляет «Талфик», труд остается не переведенным на русский язык и недостаточно изученным с историографической и источниковедческой точки зрения.

В данной статье содержатся предварительный анализ данных того отрывка сочинения М. Рамзи, посвященного происхождению этнонима «Туркмен»

Глава, в которой говорится об историческом развитии народов региона Мавераннахра, начинается с раздела – «Огуз хан – сын великого Кара хана». В данной части труда дается родословная Огуз хана, события, связанные с ним и его потомками. Родословная носит легендарный характер, автор ведет ее начало от сына Ноя, Иафета, его сына Тюрка, сына Тюрка – Тутека. В ходе изложения данной родословной ветви, Рамзи делает вставку в повествовании под названием «Отступление от темы по поводу названия туркмен туркменами». Далее мы приведем вышеназванный отрывок.

«По словам Абул-Фиды: «Назвали таким образом (туркменами), так как о первых принявших ислам из тюрок Хоросана и Мавараннахра говорили «он стал тарджуман» из-за того, что те были переводчиками между арабами-открывателями, по причине их общения с ними и обучения языку у них, и между

¹По словам Насырова И.Р., полное имя историка- Морадулла ибн Бахадиршах Абдулла;

Также, И. Зайцев говорит, что Рамзи называл себя по разному: «чаще... Мухаммед Мурад Рамзи, иногда Шейх Мухаммед Мурад или Шейх Мухаммед Мурад Казанлы, порой Мухаммед Мурад, просто Мурад или Шейх Мурад, в детские годы его называли Мерданшах, а в своих работах он часто использовал псевдонимы: Тути, Анделиб, Абу-ль-Хасан, Экмель или М.М.Р. Поскольку ученый долгое время жил в Хиджазе, отсюда произошла его нисба аль-Мекки.»(Научно-документальный журнал «Гасырлар авазы - Эхо веков» № ¼ 2001 г. Мурад Рамзи и Армений Вамбери.).

² Губайдуллин Г. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов // Первый всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля-5 марта 1926 г.: Стенографический отчет.-Баку,1926.-С49..;

³ Гараева Н.Г. Традиции татарской историографии XIX века и "Талфик ал-ахбар..." М.Рамзи // Проблема преемственности в татарской общественной мысли.-Казань,1985.-С86. См. также: Губайдуллин Г. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов // Первый всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля-5 марта 1926 г.: Стенографический отчет.-Баку,1926.-С49..;

теми, кто еще не принял ислам из тюрок. И это происходило до тех пор, пока те, кто еще не принял ислам, не овладевали этим знанием. Потом в искаженном виде было сказано о них «туркмен». И приводится в Раудату-Сафа: «После прихода тюрок в те места (Мавараннахр) и смешения с его народом, и слияния с его населением, отошли их дети от цвета тюрок и формы их в соответствии с природой местности по воле Владыки Щедрого. По причине возникшей схожести сказано было им «тюркманенд»¹, что означает «похожие на тюрок». И получило это распространение, и было сказано «туркмен» сокращенно. Если можно было бы высказать свое мнение в этом вопросе, то я бы сказал, что в действительности их так называли из-за слова «туркмэн», являющимся ответом на вопрос «Кто ты?»².

Рамзи привел три варианта легенды о возникновении этнонима «туркмен». Первый вариант он приводит из труда Абу-л Фида, второй же взят из книги Раудату-Сафа, под авторством Мир Ахунда. Сам Рамзи является сторонником третьей версии возникновения данного этнонима.

В описании событий, связанных с Мавараннахром и его народами, Мурад Рамзи в основном опирается на написанные ранее труды Абул-Фида «Таквим ал-Бульдана» и «Тарих ал-Мульк», Абуль-Газихана ал-Хорезми «Шаджаратут-тюрк», и Мир Ахунда (Мирхонд) ал-Харви «Раудатус-Сафа». Автор также высказывает свое мнение по поводу отношения к этим источникам, демонстрируя критический подход и предупреждая читателя о возможности ошибок и недостоверных сведений:

«... так приводятся события, касающиеся Чингиз хана, его предков, его дел, дел его детей, в особенности согласно «Раудату-Сафа» Мир Ахунда и «Шаджаратут-тюрк» Абул-Гази. Так же и мы опирались на эти два источника в сообщении о делах Иафета, его сына Турка. Они (вышеупомянутые два автора) не договаривались между собой в донесении информации. В этом назидании может присутствовать и достоверность, и слабость. И я не говорю, что все написанное ими двоими достоверно, и нет сомнения в этом. Пусть судит его читатель. Мы привели кое-что из предположительных исторических сведений, вместе с тем, это не теряет своего значения и смысла. Но пусть прочтет это читающий с вероятностью ошибок и достоверности, так как не знает доказательства обоих. И это та цель, ради которой мы старались. Тот же, кто хочет достоверности, и того, что более, то двери [ошибки и достоверности] открыты»³.

Дальнейшая наша работа по переводу, критическому анализу и научному комментарию сведений, сообщаемых Рамзи откроет возможность ознакомиться не только со сведениями, приведенными самим М. Рамзи, но и со сведениями из трудов арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных историографов, которыми пользовался автор. По этой причине исследование и перевод данного исторического сочинения могут быть актуальными на сегодняшний день.

Литература

Гараева Н.Г. Традиции татарской историографии XIX века и "Талфик ал-ахбар..." М.Рамзи // Проблема преемственности в татарской общественной мысли.- Казань,1985.-С86.

¹ تر كمانند

² «Талфик ал-ахбар» т.1, стр. 340

³ «Талфик ал-ахбар», т.1, стр. 340

Гарифуллин Д. Морат Рэмзи - Бикчура хан оныгы // Гасырлар авазы — Эхо веков.-Казань,2001.-№1/2.-С.224-225, 227)

Губайдулин Г. Развитие исторической литературы у тюрко-татарских народов // Первый всесоюзный тюркологический съезд. 26 февраля-5 марта 1926 г.: Стенографический отчет.-Баку,1926.-С49.

Зайцев И., Научно-документальный журнал «Гасырлар авазы - Эхо веков» № ¾ 2001 г. Мурад Рамзи и Армений Вамбери.

Каримуллин А.Г. Татарская книга начала XX века.-Казань,1974.-С145.

Насыров И.Р. Духовно-просветительский журнал «Ислам» № 1 (8) 2004 г. на сс. 24 – 26;

Насыров И.Р. Взгляды российского мусульманского историка Мурада Рамзи (1854-1937) по вопросам реформирования и модернизации ислама в к. XIX – н. XX вв. (по материалам исторического сочинения «Талфик ал-ахбар»)// Конференция «Общественно-педагогическая деятельность Захиды Бурнашевой», 2.11.2010 г – Казань, 2010.

Altaica: [Сборник статей и материалов]/ Коллектив авторов. Институт востоковедения РАН; рус.- Москва: 5/4; 20 см.

Temir A. Doğumunun 130. ve Ölümünün 50. Yılı Dolayısıyla Kazanlı Tarihçi Murad Remzi (1854-1934).-Belleten Türk Tarih Kurumu.-Cilt 50.-Sayı 197.-Ankara,1986.

**Nobilissima insula:
Цейлон глазами венецианского путешественника Никколо Конти**

Венецианскому купцу и путешественнику Никколо Конти (1395-1469 гг.) довелось за четверть века посетить арабский мир, Индию, Цейлон и ряд государств Юго-Восточной Азии, включая Аву и Чампу. Его рассказы о странствиях по Востоку дошли до нас в изложении флорентийского гуманиста и секретаря папы Евгения IV Поджо Браччолини, записавшего сообщения Конти в 1444 г. и включившего их в четвертую книгу «Истории о превратности судьбы»¹, и кастильского авантюриста Перо Тафура².

Перед тем, как поведать читателю о приключениях венецианца на Востоке, Браччолини восторженно сообщает, что Конти достиг земель, лежащих далеко за островом Тапробаной, «до которого, как известно из письменных свидетельств, не добирался никто из нас, кроме двоих: во-первых, командира флота Александра Великого, а во-вторых, римского гражданина во времена Тиберия Клавдия Цезаря, причем и того, и другого к острову вынесла буря»³. Тапробана античных авторов – название Шри Ланки, происходящее, очевидно, от местного Тамбапанни: «цвета медного листа»⁴. История о римском гражданине – вольноотпущеннике некоего Анния Плокама, попавшем во время principatus Клавдия ко двору царя Тапробаны, приводится в «Естественной истории» Плиния Старшего⁵. Плиний также упомянул тапробанское посольство в Рим во главе с неким Рахией, снаряженное царем вскоре после встречи с вольноотпущенником, и включил в «Естественную историю» те сведения об острове, которые римляне получили, благодаря этому посольству: в частности, Плиний представил Тапробану государством, в котором ни у кого нет рабов, а народ избирает царя «по старости и кротости»⁶. Большая часть того, что Браччолини знал об Индии до встречи с Конти, базировалась именно на античной традиции.

Среди изображений восточных стран в кратком описании Цейлона (Saillana) у Конти прослеживается заметная симпатия, чего никак нельзя сказать, например, о его описании Явы. Он прямо называет Цейлон «благороднейшим островом»⁷. Особым вниманием венецианского купца пользовались торговые преимущества каждого посещенного им государства. Конти начинает описание Цейлона с размеров этого острова и его товаров. Среди товаров Цейлона венецианец упоминает, в первую очередь, добывавшиеся на острове драгоценные камни: рубин, сапфир, гранат, а также кошачий глаз. Затем путешественник описывает процесс добычи корицы, одного из важнейших в цейлонской торговле товаров.

¹ Bracciolini P. *Historiae de varietate fortunae libri quatuor*. Paris, 1723.

² Тафур П. Странствия и путешествия. М., 2006.

³ Bracciolini P. *Op. cit.* P. 127.

⁴ Краснодембская Н. Г. Будда, боги, люди и демоны. СПб., 2003. С. 7.

⁵ Plin. *Nat. Hist.* VI, 84.

⁶ Plin. *Nat. Hist.* VI, 89.

⁷ Bracciolini P. *Op. cit.* P. 130.

Примечательно, что Браччолини не отождествляет Тапробану Плиния с Тапробаной Конти: в описании последнего под Тапробаной, также именуемой Sciamuthera, отчетливо угадывается Суматра. Правда, у Конти образ Суматры резко контрастирует с Цейлоном: на Суматре венецианец посещает прославленный город-эмпорий, однако жителей острова считает жестокими и грубыми. В области Батех (батаки) Конти отмечает обычай охоты за головами и людоедство¹.

Конти гораздо меньше, чем, к примеру, Марко Поло, привлекали военные сюжеты. Огромный интерес венецианец XV в. проявил к государственному строю, нравам, верованиям и обрядам далеких стран. В рассказах Конти выражены мотивы социальной утопии. Общество Цейлона видится ему республикой, которой правят знатные брахманы: «Острова управляются родом браммонов, которые считаются мудрее остальных людей. Браммоны – философы, посвятившие всю жизнь изучению астрологии и совершенствованию добродетельной жизни»². Конти подробно описывает царский двор Виджаянагара, но монархов на Цейлоне он не упоминает, хотя именно в первой половине XV в. царь Паракрамабаху VI (1412-1467 гг.) сумел возродить единое сингальское государство. На подобное восприятие Цейлона у Конти, возможно, повлиял республиканский идеал венецианской олигархии. Политическая мифология Венеции дает о себе знать и в других рассказах Никколо Конти. Легендарное государство пресвитера Иоанна в Индии, о посещении которого Конти сообщил Перо Тафуру в 1436 г., в его представлении – тоже скорее олигархическая республика, в которой пресвитер Иоанн – титул правителя, избираемого коллегией из «двенадцати мужей, благородных по происхождению и добродетели»³. В рассказе о Цейлоне Поджо Браччолини вряд ли искажает описание Конти, так как его собственные взгляды на благородство как черту, прежде всего, нравов, а не крови были полной противоположностью венецианской концепции. Показательно, что венецианский интеллектуал Лауро Квирини написал трактат «О благородстве. Против Пождо Флорентийца»⁴. На передачу Поджо Браччолини рассказов Конти о брахманах, очевидно, также оказал влияние образ индийских гимнософистов («нагих мудрецов») в античной литературе, в частности, в «Естественной истории» Плиния, которого Поджо не раз упоминает на страницах своего труда⁵.

Примечательно, что брахманов на Цейлоне и брахманов Индостана Конти описывает в одних и тех же выражениях, хотя лишь на Цейлоне он представляет их в качестве правителей. Согласно Конти, брахманы распространены по всей Индии, они не только добродетельные философы, но и чародеи, способные вызывать и останавливать бурю⁶.

Итак, какое из государственных образований Цейлона первой половины XV в. может быть отождествлено с описанным Конти государством? По всей видимости, «благороднейший остров» под властью брахманов у Конти – это тамилское индуистское государство Джафна, признававшее верховную власть Виджаянагара. Царство Джафна располагалось на одноименном полуострове в северной части Шри Ланки, обладало мощным флотом и доминировало на острове до начала XV в.

¹ Ibid. P. 131.

² Bracciolini P. Op. cit. P. 130.

³ Тафур, 99-100.

⁴ O'Connel M. Venetian Patriariate in the Mediterranean: Legal Identity and Linage in Fifteenth-Century Venetian Crete // Renaissance Quarterly. 2004. Vol. 57. № 2. P. 487.

⁵ Bracciolini P. Op. cit. P. 23, 132.

⁶ Ibid. P. 142.

Брахманы не были коллективными властителями страны, как их изобразил Конти, однако они были влиятельны в Джафне и пользовались покровительством царской власти династии Арья Чакраварти¹. Сингальское буддийское государство Котте во главе с Паракрамбаху VI соперничало с Джафной за контроль над всем Цейлоном и в 1450 г. поглотило ее. Отношения с Виджаянагаром, сюзереном Джафны, у Котте также были враждебными.

В записи Поджо Браччолини рассказов Конти об Индии и Цейлоне брахманы – это идеализированный образ добродетельных философов, способных мудро управлять государством и наделенных сверхъестественным могуществом. Очевидно, немалую роль в формировании у собеседника этой утопической картины, сыграл сам венецианский купец, который в своем рассказе перенес на Цейлон политический идеал Венецианской республики. Браччолини пытался «приручить» новую информацию об Индии, встроить ее в свое представление о далекой и экзотической восточной стране, базирующееся на античной традиции, которая хранила сведения об Индии, какой ее воспринимали греки и римляне за почти полторы тысячи лет до путешествия Конти. В свою очередь, описания стран Востока, включенные в «Четыре книги о превратностях судьбы», в которых прослеживаются размышления о добродетельном государстве и идеальных отношениях в обществе, оказали, очевидно, определенное влияние на формирование в западной гуманистической традиции жанра утопии. В частности, Томмазо Кампанелла (1568–1639 гг.) отнюдь не случайно поместил на Тапробану свой «Город Солнца», теократическая элита которого, как и «браммоны» Конти, придавала огромное значение астрологии во всех областях жизни. В «Городе Солнца» можно увидеть определенное влияние как рассказа Плиния о выборной монархии Тапробаны (включая название острова), так и описания Цейлона Конти в передаче Браччолини. Среди наиболее ярких образов Индии, укорененных в античной традиции и воспринятых флорентийским гуманистом, были индийские «гимнософисты», философы и подвижники. Их черты Браччолини находил у «браммонов» из рассказов венецианца об Индии. Гуманист воспринимал сведения, полученные от Конти, не только как отчет мореплавателя и купца, но и как встречу с живыми свидетелями античного мира.

¹ Peebles P. The History of Sri Lanka. L., 2006. P. 32.

**Экспансионистская политика Японии
в странах Центральной Азии в первой половине XX в.**

В конце XIX – начале XX веков обострилась борьба мировых держав за территориальный раздел мира. К этому времени ведущую позицию занимали Великобритания, Франция и Германия, но соотношение сил стало меняться, так как в борьбу стали входить новые участники. Одной из таких стран была Япония.

После открытия страны и начала засилья всего западного в Японии царил атмосфера эйфории от всего, что предлагала западная культура. В противовес же западному все восточное считалось отсталым, не достойным внимания. Все восточное, японское пытались переделать на западный манер. Появился даже девиз – «уйти с Востока и присоединиться к западу». Однако с конца XIX века стал нарастать внутренний протест, в основном националистически настроенных сил против европеизации и всей западной культуры. Приверженцы этого течения нацеливались на возрождение собственных традиций и на защиту истинно японских ценностей.

Во времена расцвета колониализма именно агрессивная внешняя политика являлась единственным путем занять достойное место в мире. Целью Японии стали территории сопредельных государств – Корея, Китай, Маньчжурия и Монголия. Эти государства рассматривались как сфера жизненных интересов Японии и даже как линия ее обороны.¹

В архивных материалах часто можно встретить упоминания о создании некой «Великой Маньчжуро-Монгольской империи»: «Размеры этой будущей империи крайне не определены. Предполагается включить в нее «Маньчжурию, Монголию/ Внешнюю и Внутреннюю, Тибет, Сычуань, провинции Чахар, Ганьсу и Синь-Цзянь».² Как мы видим, размеры этой империи подразумевались довольно обширные: северо-запад и север современного Китая.

Как пишут все те же источники, Япония давно мечтала захватить весь Китай, а впоследствии и всю Азию. И именно поэтому Япония крайне ревниво относилась к попыткам других держав оккупировать те или иные территории Китая.³

Например, примечательна книга отставного генерала Сато Кодзиро 1920-го г. «Если Япония и Америка будут воевать».⁴ Признавая Американской континент сферой исключительного влияния Соединенных Штатов, посягать на интересы которых Япония не намерена, Сато отстаивал аналогичную исключительность японских позиций в Китае, мотивируя это естественной необходимостью «жизненного пространства». «Географическая и историческая миссия Японии – развиваться во что бы то ни стало на азиатском материке. Это отнюдь не будет посягательством Японии на чужие права. Если развитию Японии на континенте будут поставлены препятствия, то это будет смертельной угрозой самому ее существованию». И да-

¹ Мещеряков, А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма / А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2009. – С. 15.

² РГАСПИ. Ф.532. Оп.4. Д.328. Л. 218.

³ Там же. 218.

⁴ Молодяков, В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель / В.Э. Молодяков. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – С. 65.

лее: «Как Англии необходимо мировое первенство на море, так Японии необходимо господство и влияние над землями Восточной Азии. Если кто-нибудь посягнет на это владычество – Япония должна отстаивать его с оружием в руках».

Три периода внешнеполитической истории 1 половины XX в.

Внешнеполитическую историю Японии в первой половине XX века можно условно разделить на несколько этапов:

Первый этап: 1895 – 1912 гг. – этап с начала колониальных завоеваний (японо-китайская война 1895-1896 гг.) до начала эпохи Тайсё, эпохи развития демократических тенденций. Именно после победы Японии в японо-китайской войне мы можем говорить о начале борьбы империалистических держав за территориальное разделение Китая. Именно в результате этой войны Китай признал самостоятельность Кореи, что создало благоприятные условия для японской экспансии в Корею. Кроме того, Китай навечно передал Японии Тайвань. Таким образом, Япония приобрела свою первую колонию и стала первой колониальной державой в Азии. Международный авторитет Японии резко возрастает, и ее начинают считать одной из великих держав. В 1905-1908 гг. европейские государства, США и Россия возводят в ранг послов своих дипломатических представителей в Японии (до тех пор – посланников).¹

Второй этап: 1912 – 1926 гг. – период Тайсё, также первый период «демократии Тайсё». ² Официально эпоха Тайсё продолжалась с 1912 по 1926 гг., однако, именно период «демократии Тайсё» принято относить к 1918-1932 гг., от кабинета Хара Такаси (1918 – 1921) до кабинета Инукаи Цүёси (1931 – 1932), то есть периода системы партийных кабинетов, которые распространяли идеи демократии, интернационализма, индивидуализма и социализма, идеи, считавшиеся органически несвойственными японской цивилизации.

«Термин «демократия Тайсё» был введен японскими историками после второй мировой войны для обозначения политической ситуации, которая стала промежуточной между мэйдзийским «абсолютизмом» и современной демократией. Речь шла именно о демократических тенденциях в рамках существовавшей политической системы, а не о каких-либо кардинальных ее реформах. Суть новой системы заключалась в расширении участия различных социальных слоев в политической жизни, включении их в решение насущных общественных проблем, в стремлении к воплощению общественных идеалов, включавших в себя расширение избирательных прав, вплоть до введения всеобщего избирательного права для мужчин, легализацию деятельности рабочих и крестьянских союзов, борьбу за повышение общественного статуса женщины. В этом смысле «демократия Тайсё» вполне точно отражала значение понятия «демократия», как оно понималось в то время».³

По мнению многих историков, эпоха «демократии Тайсё» стала очень важной ступенью в развитии процесса модернизации страны, начатого событиями рестав-

¹ История Японии Т. 2. / Под ред. А. Е. Жукова. — М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. — 1868—1998. — С. 217.

² Тайсё - период в истории Японии с 30 июля 1912 по 25 декабря 1926, когда императором был Ёсихито (яп. 嘉仁). Девиз правления императора, давшее название эпохе — Тайсё (яп. 大正 — «великая справедливость»).

³ История Японии Т. 2. / Под ред. А. Е. Жукова. — М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. — 1868—1998. — С. 245-246.

рации Мэйдзи. Она была необходимым этапом в восприятии японским обществом идей политической демократии, прежде неизвестных ему, не выстраданных, не апробированных предшествующим опытом его исторического развития.¹

В годы Мэйдзи успех модернизации в значительной мере основывался на энергии и настойчивости небольшой группы реформаторов, внутри которой и циркулировали западные идеи. Особенностью годов Тайсё стало их проникновение в широкие массы, что привело к становлению в Японии типа социально-ответственной и социально-активной личности. Период Тайсё стал в японской истории временем, когда привнесенная извне культура проходила трудный путь апробации на японской почве.

Внешняя политика Японии в этот период отличалась заметной противоречивостью. В одной стороны, Япония активно участвовала в международных переговорах, призванных заложить основу «вечного мира», а с другой – продолжала уже ставшую традиционной политику военной экспансии (интервенция на русском Дальнем Востоке, интервенционистские акции в Китае). Причем, если первая внешнеполитическая линия была направлена на достижение максимального взаимопонимания с другими великими державами, то вторая носила конфронтационный характер по отношению к ним же, поскольку прямо затрагивала их собственные империалистические интересы.²

Давайте вкратце рассмотрим основные события этого периода.

В 1918 году к власти приходит кабинет Хара Такаси (1856-1921), лидера партии Сэйюкай. Кабинет Хара стал первым партийным кабинетом ведущей парламентской партии. С возникновением кабинета Хара прерывается почти не имевшая исключений традиция, когда премьер назначался по местническому принципу: кабинет возглавлялся представителями давным-давно упраздненных княжеств – Сацума или Тёсю, сыгравших решающую роль в событиях «реставрации Мэйдзи».³

И вплоть до 1922 г. на посту также остается представитель Сэйюкай – Такахаши Корэки. Далее наступает период правления военных – с 1922 по 1925 и вплоть до прихода к власти оппозиционной партии Кэнсэйто. Сначала премьер-министром становится Като Такааки (1925-1926). А затем наступает переломный период перед радикализацией политики – на пост избирается Вакацуки Рэйдзиро (1926-1927).

Этот период также примечателен тем, что с 1924 по 1927 гг. на посту министра иностранных дел находился Сидэхара Кидзёро (1872-1951) Знаменитый дипломат первой половины XX века, пацифист, сторонник мирного разрешения конфликтов, даже в период нарастания милитаристских настроений пытался противостоять экспансии и интервенционистской политике в отношении Китая. А в 20-х гг XX в.. понятие «дипломатия Сидэхара» стало нарицательным.

В новогоднем номере японского толстого журнала Тайо за 1926 г. доктор юриспруденции Мацубара Кадзуо дал оценку внешнеполитической деятельности барона Сидэхара. Он заявил, что «в настоящее время совершенно отошла эпоха политики Макиавелли и политики агрессивности.... Дипломатия ступает по великому пути справедливости и мира».⁴ И правда, еще в 1924 г. на чрезвычайной летней

¹ Там же. С. 249.

² История Японии Т. 2. / Под ред. А. Е. Жукова. — М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. — 1868 — 1998. — С. 298.

³ Мещеряков, А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма / А.Н. Мещеряков. — М.: Наталис, 2009. — С. 106-107.

⁴ РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.183.Л.27.

сессии парламента Сидэхара отвергал так называемую агрессивность и территориальную экспансивность. Политика Японии, заявлял министр, заключается «в охране и защите наших законных прав и интересов и одновременно с этим в уважении законных прав и интересов иностранных государств, чтобы, таким образом, обеспечить мир на Дальнем Востоке и в Тихом океане и, дальше, поддерживать всеобщий мир всего мира. Это был основной принцип японской политики.¹ Что касалось Китая, то Сидэхара выдвигал принцип невмешательства во внутреннее управление Китаем, и, кроме того, он гордился проведением этого принципа на практике. Он ни раз повторял, что ни к Манчжурии и Монголии, ни вообще к какой бы то ни было части Китая Япония не питала никаких территориальных замыслов. Она также протестовала против международного управления китайскими железными дорогами и прочими административными установлениями Китая.² В то же время многие аналитики настаивали на том, что отношения Японии и Китая очень отличались от каких бы то ни было отношений между другими государствами. Например, Англия и Америка всегда смотрели на Китай как на выгодный ранок и приходили туда исключительно для наживы. В то время как для Японии Китай всегда играл иную роль. Отношения Японии и Китая – это отношения, которые основывались на расовом родстве и соседстве. Они «представляются прирожденными и постоянно сопутствующими на все времена, и ни один вопрос не может быть обсуждаем, без того, чтобы не базироваться на них. ... Соседские отношения Японии и Китая живут на таком предопределении судьбы. В ссоре им жить нельзя».³

Часто в исследовательских работах можно встретить и другое противоположное по смыслу нарицательное понятие – «дипломатия Танака» (Танака Гиити (1864-1929) – генерал Императорской армии Японии, премьер-министр Японии в 1927-1929 гг.). Например, как это описано в книге В.Э. Молодякова «История Японии».⁴ Подробнее этот период рассмотрим ниже.

Третий этап: 1926 – 1932 гг. – второй период «демократии Тайсё». Этот период мы также относим к периоду «демократии Тайсё» с той лишь поправкой, что в это время постепенно происходит радикализация политики, таким образом это время мы можем охарактеризовать как закат эпохи партийных кабинетов.⁵ В 1927 г. премьер-министром становится Танака Гиити (1927-1929) В течении всего пребывания на этом посту Танака совмещал его с постом министра иностранных дел. И он был не только лишь номинальным главой МИД. Он активно проводил собственную внешнюю политику, которую называл «позитивной» и «активной», хотя противники предпочитали характеризовать ее как «экспансионистскую» и «агрессивную». Можно воспользоваться определением Д. Доуэра: «Сидэхара и его дипломатия воплощали западные, рациональные, универсалистские, буржуазно-либеральные ценности в противоположность Танака, в котором персонифицировались традиционные, иррациональные, партикуляристские и феодальные воззре-

¹ Там же. Л.28.

² Там же. Л.28.

³ Молодяков, В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель / В.Э. Молодяков. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. Л. 55.

⁴ Молодяков, В.Э., Молодякова, Э.В., Маркарян, С.Б.. История Японии. XX век/ В.Э. Молодяков, Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарян; под ред. Р.Б. Рыбакова, В.М. Алпатова, А.З. Егорина и др. – 2-е изд. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2009.. С. 95.

⁵ С 1926 г. В Японии наступает период Сёва. Императором становится Хирохито. Эпоха Сёва продолжается вплоть до 1889 г.

ния».¹... Затем на этом посту его сменяют Хамагути Осати (1929-1931), Вакацуки Рэйдиро (апрель-декабрь 1931) и Инукаи Цуёси (1931-1932). Все эти премьер-министры являлись членами партий (Сэйюкай и Минсэйто). А с 1932 года на пост премьер-министра начинают назначаться исключительно военные.

Посмотрим, как характеризовали политику Танака в японской прессе. «Все газеты признают, что «позитивная политика» правительства Танаки в Китае ничего не дала, кроме неудач. Различие лишь в том, что если «Асахи», «Ничи-Ничи», «Хоци» и др. категорически осуждают кабинет, называя «позитивную политику» «набором громких слов и деклараций, не принесших ничего, кроме вреда, то некоторые другие газеты, как напр. «Кокумин», признавая ошибки кабинета, указывают, что нельзя винить во всем только правительство, что известную роль сыграли объективные условия и т.д».²

Кроме того, именно в этот период происходит одно из знаковых событий для всей мировой политики XX века – вторжение Японии в Маньчжурию в 1931 г.

Генри Дуглас в 1940 г. пишет об экспансии Японии, об аннексии Кореи, о предъявлении 21 требования Китаю, об интервенции в Маньчжурию в 1931 году и о том, что это может означать для США. «Захват Маньчжурии Японией в 1931 г. явился прямым нарушением жизненно-важного международного соглашения, которое было заключено в целях содействия благосостоянию многочисленных народов всего мира. Этот акт положил начало новой эре международного беззакония».³ И далее: «Несмотря на торжественное заявление Японии гуманного порядка в отношении других народов Восточной Азии, ее неизменная политика заключалась в том, чтобы всевозможными мерами добиться господства над этими народами. Лучшим примером этому может послужить захват Кореи, хотя официально Япония отрицала, что у нее имеются подобные намерения, и представление Китаю программы 21 требования. Если бы программа была принята, это фактически означало бы протекторат Японией над Китаем. Сейчас перед лицом усиливающейся мощи и единства Китая Япония обрушилась на Китай «чтобы поставить его на колени, и отнять у него охоту сопротивляться». Прежде всего, надо отчетливо уснить себе, что Япония во всех своих планах господства над Восточной Азией и Тихим Океаном создает замкнутую экономику, в которой другим государствам придется принять такое участие, какое пожелает Япония. Она стремится создать областную систему автаркии под своим исключительным контролем. Другие государства сумеют торговать лишь постольку, поскольку это будет выгодно для Японии. Маньчжоу-Го являет собой прекрасный пример того, что произойдет».⁴

В 30-е годы XX века в японской литературе и периодических изданиях появляется термин «Великая восточноазиатская сфера процветания». Вот что пишут западные исследователи по этому вопросу. «Термин «Великая восточноазиатская сфера процветания» впервые упоминался в японских публикациях во времена 3-4 годов необъявленной китайско-японской войны. Он выражал надежду японского народа, который не понимал истинных целей войны. Это также был слоган борьбы с враждой китайцев и других народов, которые были включены в эту сферу. Этим людям убеждали, что вовлечение в эту сферу является в их собственных интересах.

¹ Молодяков, В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель / В.Э. Молодяков. – М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. – С. 74.

² РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.183.Л.111.

³ РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.580. Л.38.

⁴ РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.580. Л.40.

Что не только Япония, но и оккупационные районы получают выгоду от этой оккупации».¹ В эту сферу должны были входить следующие территории: Японская империя, Маньчжурия, собственно Китай, Филиппины, Нидерландская Индия, Французский Индо-Китай, Тайланд, Британская Малайя и Бирма. Более того, Советский Дальний Восток тоже должен быть включен. А также Индия, Австралия и Новая Зеландия. Экономическую основу этого региона должны были составить Япония, Маньчжурия и Север Китая. Вообще ВВАСС должна была разделиться на две части: первая – Маньчжоу-го и некоторые части северного Китая (которые подходили бы для эмигрантов из Японии) и вторая – южные районы (которые не подходили бы для эмиграции самих японцев, туда направляли бы японцев – глав территорий). И даже был создан некий комитет по обучению персонала для ВВАСС, целью которого стала тренировка тех, кто должен был поехать в те самые южные районы.²

Более того, если мы заглянем вперед в более позднее время – период начала второй мировой войны – мы можем увидеть следующее. Японцы постоянно говорят об установлении «нового порядка в Восточной Азии». Как известно,

Из журнала «Сохо» от 18 января 1939 г. «Дело в том, что далеко идущие цели нынешних событий не сводятся только лишь к тому, чтобы разбить власть Чан Кай-ши, чтобы уничтожить старый Китай, цели эти заключаются в строительстве нового порядка, долженствующего создать длительное спокойствие в Восточной Азии».³ (Публикация Информбюро Минвнудела). И далее о так называемой истинной цели войны с Китаем: «Прежде война заканчивалась разрушениями, китайские же события не ставят перед собой целей разрушения Китая, цель их состоит в подъеме Китая, в выращивании строительства нового Китая, новой Восточной Азии».⁴ Кроме того, японцы активно провозглашают цель строительства «новой Восточной Азии»: «Строительство нового порядка Восточной Азии имеет ввиду создание во главе с Японией нового единства восточной Азии, единства, которое повело бы к развитию государства Манчжоу-Го и строительству возрожденного Китая, единению, в которое бы входили бы Япония, Маньчжоу-Го и Китай. Таким образом, именно мы создадим истинность в международных отношениях в Восточной Азии, создадим собственную оборону, новую культуру, экономическое единение, создадим взаимные связи между Японией, Маньчжоу-Го и Китаем по всем линиям – в политике, экономике, культуре, внесем спокойствие в Восточной Азии и далее будем содействовать прогрессу всего мира».⁵ В свою очередь Китай «сможет развиваться тогда, когда китайские ресурсы и рабочая сила будет сочетаться с японскими капиталами и техникой; восточно-азиатский блок, включающий Японию, Манчжоу-Го и Китай будет создан. Япония вместе с Китаем и Манчжоу-Го сумеют прийти к светлой свободной жизни народов Восточной Азии».⁶

Из журнала «Кайин» за январь 1939 г. «Мы должны создать новый порядок на Востоке, укрепить содружество, единство народов Азии и сделать это при помощи еще большего укрепления господствующей позиции Японии».⁷ И вот, что говорил

¹ Grajdanzev, A. J. Japan's Co-Prosperity Sphere / A. J. Grajdanzev // Pacific affairs / Pacific affairs. University of British Columbia, 1943 - Vol. 16, No. 3. - P. 311.

² Grajdanzev, A. J. Japan's Co-Prosperity Sphere / A. J. Grajdanzev // Pacific affairs / Pacific affairs. University of British Columbia, 1943 - Vol. 16, No. 3. P. 312.

³ РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.575.Л.1.

⁴ Там же. Л.2.

⁵ Там же. Л.2.

⁶ РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.575.Л.3.

⁷ Там же. Л.14.

Арита¹ в отношении подписания антикоминтерновского пакта: «Антикоминтерновский пакт является стержнем японской внешней политики против деятельности Коминтерна... одного только антикоминтерновского пакта недостаточно для построения «нового порядка» в Восточной Азии и для укрепления позиций Японии в мире. «Таймс» истолковывает это заявление таким образом, что Япония не может пожертвовать своими отношениями с Англией, США и Францией ради интересов своих идеологических союзников».²

И действительно, многие СМИ соглашались, что «Япония не стремится к завоеванию хотя бы клочка китайской земли, ни один японец не будет министром в новом Китае. Она хочет быть гегемоном на всем неизмеримо большом Дальнем Востоке и руководить людьми от Сибири и до южной части Тихого океана... она отвергает какое бы то ни было вмешательство третьих держав...»³ («Франкфуртер Цейтунг» о японской политике).

Все захватнические идеи зарождались в основном в интеллектуальной среде. Существует множества лиц, оказавших самое непосредственное влияние на становление политики экспансионизма в Японии, но особенно хотелось бы выделить следующих.

Источники

РГАСПИ. Ф.532. Оп.4. Д.328. Л.218.
РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.183.Л.27, 28, 111.
РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.538. Л.13.
РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.563. Л.21.
РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.575. Л.1, 2, 14.
РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.580. Л.38, 40.

Литература

История Японии Т. 2. / Под ред. А. Е. Жукова. — М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. — 1868—1998. — 703 с.

Мещеряков, А.Н. Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма / А.Н. Мещеряков. — М.: Наталис, 2009. — 592 с.

Молодяков, В.Э., Молодякова, Э.В., Маркарьян, С.Б.. История Японии. XX век / В.Э. Молодяков, Э.В. Молодякова, С.Б. Маркарьян; под ред. Р.Б. Рыбакова, В.М. Алпатова, А.З. Егорова и др. — 2-е изд. — М.: ИВ РАН, Крафт+, 2009. — 528 с.

Молодяков, В.Э. Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887-1949): дипломат, политик, мыслитель / В.Э. Молодяков. — М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. — 528 с.

Grajdanzev, A. J. Japan's Co-Prosperity Sphere / A. J. Grajdanzev // Pacific affairs / Pacific affairs. University of British Columbia, 1943 - Vol. 16, No. 3. - P. 311-328.

¹ Арита Хатио (1884-1965) — министр иностранных дел Японии в 1936-1940 гг. (с перерывами).

² РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.563. Л.21.

³ РГАСПИ. Ф.495.Оп.127.Д.538. Л.13.

Роль традиций и преемственности в современном алевитском обществе

Алевизм в Турции представляет собой “народную форму ислама”¹. Религиозное учение алевитов крайне синкретично и складывалось из различных, часто противоречащих друг другу и даже взаимоотрицающих элементов. Роль традиции в алевитском обществе крайне велика. На протяжении веков алевиты представляли собой закрытое общество. Будучи религиозным меньшинством, они ограждали себя от внешнего мира и преобладающего суннитского большинства, строго охраняя свою самобытность. Стоит отметить, что принцип сокрытия веры, один из руководящих принципов шиитского ислама (“ат-Такийя” араб., *takiye* тур.), также присутствует и алевизму в Турции.

До провозглашения Республики алевиты вели закрытый образ жизни, не участвуя в социальной и политической жизни страны. Их обособленность была настолько велика, что вплоть до середины XX в. вступление в брак с суннитом было невозможным и грозило изгнанием из алевитской общины.

Факты притеснения алевитов в Османской Империи широко известны. Так, например, в документах XVI в. кызылбаши предстают как “религиозные и политические преступники”. Кызылбаши обвинялись в уклонении от молитвы, в проведении ночных радений, во время которых совершался “свальный грех”, в грабежах и насилиях.² Османские власти оценивали алевитов как источник угрозы. Все вышесказанное обуславливает тот факт, что алевиты поддержали освободительное движение, возглавляемое Мустафой Кемалем Ататюрком.

Однако вскоре после провозглашения Республики ситуация осложнилась. Начиная с 1923г. в процессе институализации государства происходит насаждение “тюркской самоидентификации”, соответствующей принципу народ-государство. Этот процесс особенно был отчетлив на востоке страны, где проживали алевиты.

3 марта 1924г. было основано Управление по делам религии. Споры касательно того, какая правовая школа в исламе должна быть взята за основу, продлились недолго, и был выбран ханафитский мазхаб. Республиканское Правительство взяло религию под свой контроль и стремилось создать свой собственный ислам: “Одомашненный, прирученный ислам”.³ В этом плане абсолютно естественно, что созданным Правительством Управление по делам религии отвечало потребностям исключительно суннитов-ханафитов и пренебрегало интересами алевитов.⁴

30 ноября 1925г. Парламентом был принят закон за № 677 и опубликованный в «Ресми газете» (*Resmi gazete*) 13 декабря 1925г. Этим законом предписывалось частичное закрытие мест, предназначенных для культовых мероприятий, таких как *текке*⁵, *завийе*¹, *турбе*² и др. и упразднение религиозных титулов, таких как, на-

¹ И. Меликофф, говоря об алевизме, указывает на то, что по форме своей он является турецкой «народной религией» (*religion populaire*). См.: Melikoff I. *Hadji Bektach: un mythe et ses avatars. Genese et evolution du soufisme populaire en Turquie*. Leiden: Brill, 1998. P. 24.

² Гордлевский, В.А. Избранные сочинения. Т. III, М., «Наука», 1962. С. 203

³ Saraç, N. *Alevilerin Siyasal Tarihi*, Kitap 1 (1300-1971). İstanbul, Cem Yayınevi, 2011, S.217

⁴ Yaman Ali & Erdemir Aykan, *Alevism-Bektashism: a brief introduction*. *Alevilik-Bektaşilik: Kısa bir Giriş*. Barış Matbaacılık, İstanbul, 2006, S. 57

⁵ Текке – суфийская обитель.

пример, *шейх*³ или *сейид*⁴. Этот закон не отразился на суннитском населении страны, аlevиты же были лишены возможности открыто исповедовать свою религию. Ситуация усугублялась еще и тем, что суннитская культура, которая преобладала в городах, вела к постепенному отчуждению верующих от “народного ислама” и ассимиляции алевизма.

Формирование новой государственной идеологии привело к формированию системы “разрешенного” ислама, действия вне рамок которого строго ограничивались. Народный ислам, сохранившись на бытовом уровне, ушел в подполье. Примечательно, что все вышеуказанные события, а также последовавшее за ними восприятие алевизма в качестве фольклорного феномена и проявления тюркской культуры, полностью оставляя за рамками восприятия его религиозную сущность, не привели к примечательной общественной или индивидуальной реакции алевитов. Фактическое принятие всех нововведений, отстранение и средоточие внутри себя последовали в этот период.

Период после второй мировой войны ознаменовался переменами в экономике Турции, что, естественно, привело к изменениям в общественной жизни. Переломным этапом можно считать 1950-е гг. Этот период отмечен развитием капитализма и массовой миграцией алевитов из сельской местности в города. В результате миграционной волны и новых социально-экономических условий в Турции институты алевизма практически перестали существовать, а период с 1960-х гг. по 1990-е гг. в целом характеризовался процессами урбанизации и ассимиляции алевитов. Алевитская молодежь, выросшая в турецких городах и Европе, стала прибегать к иным источникам знания, нежели чем к культуре и традиции алевизма.

Современный голландский антрополог Мартин ван Бруинессен указывает на то, что до 1980-х гг. существовала явная тенденция, согласно которой алевизм воспринимался в качестве оппозиционной политической традиции, но не культурной. Ситуация поменялась в 1980-х гг., отчасти благодаря сильному давлению, которому подверглись левые течения, отчасти как ответ на догмы суннитского ислама, пропагандируемый государством. Поскольку политические ассоциации были запрещены, алевиты стали создавать культурные общества, подчеркивая именно культурный, а не религиозный аспект их деятельности. Это послужило возрождению и распространению алевитского ритуала и обрядности.⁵

Период начиная с 1990-х гг. отмечается резким подъемом в общественной жизни алевитских общин. В частности, начиная с 1990-х гг. в Турции и Западной Европе стали проводиться бесплатные курсы игры на сазе и алевитских радений-самах, концерты, на которых исполнялись песни в алевитской традиции, выставки, затрагивающие алевитскую тематику. Здесь стоит отметить, что все мероприятия были открытыми – их разрешалось посещать всем желающим, даже тем, кто не являлся алевитом. Этот факт обусловил знакомство алевизма с внешним миром. Дети алевитов, проживающих в больших городах и отделившихся от своих корней, начали заново постигать свою культуру. Алевиты сегодня стремятся выделить себя из

¹ Завийе – то же, что и текке. Суфийская обитель.

² Тюрбе – гробница святого-вели.

³ Шейх (шайх) – глава суфийского братства, настоятель обители.

⁴ Сейид (сайид, саид) – потомок пророка Мухаммада (через его дочь Фатиму и внука Хусайна).

⁵ Bruinessen, M., van., “Religious Practices in the Turko-Iranian World: Continuity and Change”, in M.-R. Djalili, A. Monsutti & A. Neubauer, *Le monde turco-iranien en question*, coll. Developpements. 2008, c. 135-136

общей массы населения, заявить о себе как о независимом сообществе, отличном от других, предпринимают усилия для популяризации своего прошлого.

Естественно, принимая во внимание современный уклад жизни в Турции, алевиты сегодня не представляют собой столь консервативную и обособленную группу, как это было раньше. Все больше возникает смешанных браков между суннитами и алевитами, преимущественно в больших городах. Однако необходимо заметить, что традиция не утратила своего значения для алевитского общества, его представители строго соблюдают свои обычаи, сохраняют свою историю и широко пропагандируют культуру алевизма.

Стоит отметить, что в последнее время возникает определенный уровень стандартизации алевизма. В то время как традиционный алевизм базировался вокруг закрытых сельских общин и состоял из местных, чаще всего передаваемых устно традиций, новый алевизм базируется на современных городских ассоциациях и передается в письменной форме. Таким образом, справедливо утверждать, что алевизм в Турции прошел скорый процесс рационализации и письменного распространения, так называемой скриптурализации.¹

Литература

Гордлевский, В.А. Избранные сочинения. Т. III. М., 1962.

Bruinessen, M., van, “*Religious Practices in the Turko-Iranian World: Continuity and Change*”, in M.-R. Djalili, A. Monsutti & A. Neubauer, *Le monde turco-iranien en question*, coll. Developpements, Paris; Karthala; Geneve, Institut de hautes etudes internationales et du developpement. 2008.

Saraç Necdet. *Alevilerin Siyasal Tarihi, Kitap 1 (1300-1971)*. Cem yayınevi, İstanbul, 2011.

Yaman Ali & Erdemir Aykan. *Alevism-Bektashism: a brief introduction. Alevilik-Bektaşılık: Kısa bir Giriş*. Bariş matbaacılık, İstanbul, 2006.

¹ Bruinessen, M., van, “*Religious Practices in the Turko-Iranian World: Continuity and Change*”, in M.-R. Djalili, A. Monsutti & A. Neubauer, *Le monde turco-iranien en question*, coll. Developpements. 2008, c. 136

Вароша – ничья земля?

Фамагуста–административно-территориальный округ Кипра, расположенный на восточном побережье острова, с одноименной столицей. Наряду с названием Фамагуста (Famagusta), которое закреплено в западноевропейских языках, существует греческий вариант названия – Аммохостос (Αμμόχωστος), что означает «затерянный в песках», и турецкий вариант – Газимагуса (Gazimağusa/Mağusa), возникший после 1974 г. На протяжении нескольких веков один из самых крупных и богатых городов острова. Здесь находился главный порт Кипра и один из самых известных европейских курортов – Вароша (греч.-Варосия, тур.-Мараш). В 1974 г. турецкие войска оккупировали город, и он утратил былое величие.

Город был основан в 300 г. до н.э. Птолемеем II Филадельфом и назван Арсиной в честь своей супруги. В течение долгого времени Арсиноя оставалась небольшой рыбацкой деревней. В византийский период (330 н.э. – 1191г.) Арсиноя была переименована в Аммохостос.

Расцвет пришелся на период «Франкократии» или лузиньянского правления (1192-1489 гг.). Когда крестоносцы потеряли последние крепости Акру и Тир на Святой земле, в город из Палестины хлынули христианские беженцы, а вместе с ними и купцы ведущих европейских торговых держав Генуи и Венеции. Будучи единственным крупным европейским портом в Азии, Фамагуста становится одним из самых богатых на Ближнем Востоке, превратившись в крупный порт и главный центр торговли между Европой и Ближнем Востоком. По богатству и роскоши в этот период Фамагуста не уступала Константинополю и Александрии. Это был город дворцов и церквей. По свидетельствам современников, в нем насчитывалось 365 церквей: по одной на каждый день года¹. Купцы Фамагусты считались самыми богатыми людьми в Европе. Именно в этот период историческое название Аммохостос заменено на Фамагусту.

В период венецианского правления (1489-1571гг.) Фамагуста становится столицей острова, вокруг нее возводятся мощные стены, которые в то время считались подлинным шедевром фортификации. В 1571 г. после почти года героической обороны города венецианец Марк-Антонио Брагадино был вынужден сдать Фамагусту командующему османского корпуса Лале Мустафе-паше. Оставшимся в живых жителям города турки запретили проживать в Фамагусте, и они были вынуждены селиться вне городских стен. Так возник новый, греческий район города, который получил название Вароша (турецк. – «пригород»). В это время на остров прибыло большое количество земледельцев из центральной Анатолии. Главный собор Святого Николая был превращен в мечеть Лалы Мустафы-паши².

Сменившие в 1878 г. турок англичане со свойственной им практичностью оценили выгодное положение Фамагусты. Город снова стал развиваться как важный порт. Была построена железная дорога, соединившая его с Никосией и просуществовавшая несколько десятилетий. Однако практичность порой граничила с

¹ Архимандрит Августин (Никитин), А. Зимин. Кипр. Путешествие по благословенному острову. Санкт-Петербург, 2008. Стр. 343.

² Мусульманские места религиозного почитания на Кипре. Издано ассоциацией кипрских археологов. Никосия, 2005. Стр. 98.